

Уважаемый суд!

Используя последнее слово, я хочу обратиться к российскому правосудию с просьбой защитить мое человеческое достоинство, которое растаптывалось без всяких на то оснований, по вымышленным и сфальсифицированным предлогам - всей мощью правоохранительной системы.

Очень сложно противостоять одной такому давлению, являясь провинциальной женщиной с довольно скромным социальным положением и достатком. Государственным обвинением отмечена моя «защитная реакция», как некий признак моей вины. Отмечу, что в моем случае обвинение неоднократно пыталось меня лишить самой естественной возможности — защищать свои конституционные права так, как это предусмотрено законодательством Российской Федерации.

Фальсификация уголовного дела начинается с исходных событий, то есть с **обстоятельств дела**, что ставит сложные задачи перед следствием.

При фальсификации обстоятельств дела

- невозможно избежать фальсификации самого дела;
- невозможно провести следственные мероприятия в рамках закона и его логики, без искажения целей правоохранительной системы;
- невозможно юридически грамотно квалифицировать деятельность обвиняемого;
- практически невозможно определить главное — уголовные мотивации совершения преступления.

Как видно из материалов дела, следствие трижды продлевало сроки предварительного расследования обнаружения преступления. Но даже в Постановлении от 21 марта о продлении в третий раз сроков предварительного следствия в качестве обоснования продления уголовного дела до 21 мая 2011 года говорится, что следственная группа до сих пор **не может юридически квалифицировать мои действия**.

Каждый эпизод, рассмотренный нами в суде, каждый документ этого дела имеет ту или иную степень фальсификации.

1. Эпизод с бывшим студентом **Чавкиным** уже на момент следственных мероприятий ставит под сомнения правдивость собранных материалов. Свидетель **Соколова** в ходе следствия заявляет, что закончила ИжГТУ в 2005 году и не подписывала «обращение студентов» в 2008 году.

Свидетель **Рябкова** в суде заявила, что «она сидела у компьютера», не зная, что заявление написано вручную. Имеется и мое заявление от 24 ноября 2008 года, свидетельствующее о том, что следствие столкнулось с неправовыми явлениями в ИжГТУ, достаточно проверить то, как автор этого малограмотного заявления мог оказаться на бюджетном отделении вуза, не являясь гражданином РФ.

2. Аналогично выглядят и заявления представителей Российского конгресса народов Кавказа, здесь виден тот же уровень подтасовки.

Заявление уже содержит четкие указания слов и словосочетаний, представленных в виде таблички с их значением. В заявлении мой блог представлен как СМИ, которые до указа президента в тот период отвечали за комментарии, оставленные читателями при обсуждении публикаций.

При этом заявители настаивают, что материалы блога «призывают к насилию», что является

клеветой. Если бы такие призывы действительно были, у следствия не было бы таких затруднений с квалификацией моих действий.

В ходе допросов и объяснений двое заявителей **Осмаев** и **Зейналабдиева** утверждают, что не видели сами моего блога, а знакомы со слов Идалбаева.

Сам **Идалбаев** дает два показания под копирку, в которых не утверждает, что сам видел блог. Заявитель **Паскачев** в ходе следствия трижды меняет показания:

28 сентября 2010

подчиненные мне сотрудники пресс-службы НАТКНУЛИСЬ в сети интернет на сайт огурцова-учебка под псевдонимом огурцова скрывалась владелица данного сайта — Дедюхова И.А

05 октября 2010

Я регулярно открываю сайт УЧЕБКА-сом, который постоянно дополняется новыми материалами

31 января 2011

В июне 2010 (дату не помню) Идалбаев обнаружил высказывания

Это уже говорит о том, что заявители — лжесвидетельствуют, они не сообщают следствию, кто на самом деле стоит за данным заявлением.

Однако следствию достаточно было обратиться к *настоящим обстоятельствам дела*, чтобы прекратить произвол в отношении меня.

Достаточно было дать правовую оценку публичному убийству журналиста НТВ Юрия Волкова, инциденту в детском лагере Дон с массовой дракой, попыткой группового изнасилования, по факту осквернения российского флага и настоящих призывов к насилию. В российских СМИ имеются многочисленные факты давления заявителя Паскачева на следствие по делам убийствам Юрия Волкова и Егора Свиридова. Бездействие правоохранительных органов в этих делах уже привело к массовым беспорядкам в Москве и других регионах. Но и мое уголовное дело доказывает заинтересованность этого господина в неправовых действиях правоохранительной системы, в попытке помочь в фальсификации обстоятельств дела.

Тем не менее, в деле имеется распоряжение полковника юстиции Чиркова о «фиксации на сайте» слов и выражений, отмеченных в заявлении.

3. Напоминаю, что письмо к президенту Медведеву, где по умолчанию были невозможны все инкриминируемые мне выражения, было опубликовано мной после двух суток 25 и 26 июля 2010 — попыток организации массовых протестов от организаций националистического толка с крайними высказываниями в адрес чеченского народа. При этом письмо имело целью — привлечь внимание гаранта наших конституционных прав и свобод к бездействию правоохранительных органов и безответственным заявлениям крупных российских чиновников, способствовавших разжиганию национальной ненависти и вражды. Причем, никто из этих чиновников не отвечал по должностным инструкциям за сохранение правопорядка, подменяя собственным мнением — нормальную работу правоохранительной системы.

Письмо давало возможность вернуть ситуацию в легитимное правовое русло.

Исследования, проведенные следователем республиканского СК Аверьяновым, показали, что мой сайт не содержал инкриминируемых мне слов и выражений. Но указанной лексикой в то время пользовалось не менее 360 тысяч сайтов, по кэшам ведущих российских поисковиков.

Свидетели Смирнов и Моисеев, отправившие письма в Администрацию президента, подтверждают, что подобных слов и выражений в блоге не было.

Отмечу, что свидетель Смирнов первым оставил комментарий «отправил», он подобных слов и выражений в публикации не видел вообще.

Вести следствие без фальсификации моего блога по предварительным «заключениям специалистов», не скрывающих, что работают по заказу ФСБ. Эксперт Подшивалова указывает фамилию обратившегося к ней сотрудника ФСБ, эксперт Байметов и в заключении лингвистической экспертизы ссылается на закрытую Инструкцию ФСБ, которая не может быть основой для его заключения.

Но до возбуждения уголовного дела он дает два диаметрально противоположных заключения специалиста — под две статьи УК, по которым следствие планирует возбудить против меня уголовное дело. В одном из них он утверждает, что в блоге есть призывы к насилию, в другом он их не находит.

Кроме того, в суде он заявляет, что до возбуждения уголовного дела имел открытый доступ ко всем материалам блога, что невозможно для его уровня пользования - без предварительно выданного инвайта.

Причем, всеми отмечается открытый доступ «материалов, выложенных для копирования и распространения», - в то время, как все материалы (кроме комментариев зарегистрированных пользователей) являются моей собственностью и защищены авторским правом.

Сама регистрация в этот момент является платной, но любой человек может связаться как со мной лично, так и с администраторами блога. В Правилах указывается недопустимость крайних оценок, оскорбительных высказываний, нарушения законодательства РФ.

4. Несмотря на готовность экспертов доказать по словарям и Инструкции ФСБ уголовную мотивацию, с которой я обратилась к президенту страны, фальсификации подвергаются и образцы материалов, представленных экспертам, и сам порядок проведения подобных экспертиз.

Эксперт Чиркова утверждает, что мои книги подверглись редактированию. При это она ссылается на роман «Армагеддон №3», в котором указывает отсутствие всех видов редактирования, указывает, что роман выпущен в авторской редакции, в которой он представлен на моем сайте.

Эксперты отказывают мне в главном — что я высказываю собственное мнение по поводу вопиющих преступлений, пытаюсь напротив предотвратить эскалацию ненависти и вражды. При этом подменяют мои мысли — собственными домыслами, помогая следствию фальсифицировать обстоятельства дела.

Психологическая экспертиза отказывает мне даже в собственной личности.

Никто из них не идет по единственно законному пути подобных экспертиз: от обстоятельств —

к смыслу сказанного — лишь затем к используемым для выражения мысли средствам. При этом в психологической экспертизе используется метод интенций, применяемый совершенно в другой области психологии — в основном для детей, испытывающих сложности в формировании личности, а также для педагогического воздействия на детей до пяти лет.

Психологическая экспертиза лучше всего раскрывает логику следственных мероприятий, направленную на унижение моего достоинства, фальсификацию всех жизненных обстоятельств, на уничтожение меня как личности.

Суд не счет возможным выслушать мои претензии к следствию по поводу двух судебных заседаний о принудительном помещении меня в психиатрический стационар на длительный срок, а государственное обвинение не огласило психолого-психиатрической экспертизы. Однако, суд отказал в ходатайстве об исключении из доказательств выемки произведенной в моем блоге 1 мая следователем Семеновым, как единственных вещественных доказательств, собранных в ходе предварительного следствия. В статьях КЛИНИКА, ДЕНЬ ДУРАКА. ЛЕГКАЯ ВОЗБУДИМОСТЬ, КИНО И НЕМЦЫ — подробно рассматриваются эти бесчеловечные меры, ход экспертизы, подмена экспертов, угрозы нанесения непоправимого вреда моему здоровью. Сами эти материалы подтверждают, что целью следственных мероприятий было уничтожение меня, как личности.

5. В деле практически нет ни одного допроса, постановления, экспертизы, не имеющих видимой фальсификации.

Мои коллеги прибыли на допрос 20 января на одной машине, их допрашивали разные следователи. Но в протоколах допроса указаны неверные даты и фамилия следователя, предупредившего из об ответственности.

Протокол допроса моего лечащего врача Ясиевич, по ее словам, был 8 февраля. В деле имеется протокол от 27 января в 10-05, где на первом листе фамилия указана неверно, а в ходе допроса свидетеля сообщается, что на прием я пришла в 12-30 27 января.

Свидетель Смирнов опубликовал в своем блоге заметку, что на допрос он явился 2 февраля, он выложил в Интернете аудиозапись допроса. Но в деле протокол с его допросом датирован 25 января.

Это на каждом шагу, включая главное — заключение компьютерной экспертизы, которых оказалось две, вместо одной. Причем, роутер, изъятый у меня 26 ноября — попадает на экспертизу лишь во **второй половине марта** следующего года, когда Октябрьским судом и был выдан ордер на обыск, проведенный 26 ноября предыдущего года, в силу того, что меня, как личность, не удалось уничтожить в ходе психолого-психиатрической экспертизы 15 марта сего года.

7. Хочу отметить, что в ходе следствия я лишена была возможности участвовать в следственных мероприятиях, задавать вопросы эксперту, предложить и свои материалы на экспертизу. Я была лишена любой возможности защиты, поскольку провайдером МАРК ИТТ мне обрезался доступ к блогу с момента, как только 5 сентября меня попросили дать объяснение в РОВН Октябрьского района.

Обыск у меня дома 26 ноября начался с вопроса, почему я поменяла провайдера? Мою несовершеннолетнюю дочь обвинитель в суде допрашивает об этом факте, а мне не задает этого вопроса, хотя это мое решение касается лишь меня.

Я поменяла провайдера, поскольку прежний провайдер не допускал меня в мой собственный блог с моих собственных компьютеров, не давая возможности воспрепятствовать обширной фальсификации моих материалов.

Мои компьютеры были изъяты с нарушением закона, в настоящее время удерживаются не только незаконно, но и при явно обмане следователе Семеновым. Я написала в протоколе, что мне в нарушение статьи 217 отказано в возможности осмотреть мои компьютеры, ознакомиться с прочими вещественными доказательствами. Следователем предлагалось ознакомиться лишь с видеозаписью обыска. Из чего я делаю заключение, что мои возражения также фальсифицированы.

В компьютерах содержалось 16 лицензионных программ, 4 монографии, входившие в планы издания ИжГТУ на 2010 год. Много другое. Это моя жизнь, 12 лет моей работы. Там же находился и веб-кошелек, данные из которого с мобильными телефонами и номерами айсикью уже использовались следствием для розыска свидетелей Моисеева и Смирнова.

Как показывают следственные мероприятия, в ходе следствия окончательной фальсификации с помощью психиатрического стационара должна была подвергнуться моя личность. Содержимое компьютеров в этом случае должно было доказывать мою «невменяемость». Поэтому я прошу суд определить порядок возвращения мне компьютеров — в присутствии понятых, с проверкой всего их содержимого.

Прошу суд учесть, что с 5 сентября я подвергалась унижениям, шантажу, обману, издевательствам. Тем не менее, я осталась верна своим гражданским позициям. Следствие рассчитывало, что подобными мерами вызовет у меня негативные высказывания в адрес других национальностей. Но хочу подчеркнуть, что моя многонациональная семья, терпимое отношение к религиям — полностью исключали саму такую возможность.

В отличие от тех, кто лишь на словах декларирует защиту чужого достоинства, но на деле попирает чужое достоинство, отказывает человеку в самой возможности иметь внятную гражданскую позицию — мы привыкли не только жить в одном доме с представителями разных национальностей и вероисповедания, но и иметь с ними потомство, которое воспитываем в любви к Родине и соблюдению правопорядка.

Прошу суд принять во внимание, что, в отличие от лиц, инкриминировавших этот процесс, я проявила к суду уважение, участвовала в ходе процесса. Хотя никаких уголовных преступлений не совершала и, конечно, чувствую себя оскорбленной и униженной. Прошу суд прекратить уголовное преследование в отношении меня за отсутствием состава преступления.

Дедюхова Ирина Анатольевна